

Александр Такмаков

Провокаторы

Александр Такмаков

Провокаторы

«Издательские решения»

Такмаков А.

Провокаторы / А. Такмаков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835667-4

В этой книге сделана попытка осмыслить тенденции в нашем обществе к началу 21 века и наследие, которое осталось после развала СССР.

ISBN 978-5-44-835667-4

© Такмаков А.
© Издательские решения

Содержание

Провокаторы	6
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Провокаторы

Александр Такмаков

© Александр Такмаков, 2017

ISBN 978-5-4483-5667-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Провокаторы

повесть

*Бывают такие большие цели,
что в них невозможно попасть.*

Афоризм

Глава 1

Хаос 90-х всё ещё носился в воздухе, когда Николай Мохов, аспирант исторического факультета МГУ получил официальное предложение стать помощником одного видного политического деятеля, который уже многие годы стоял в оппозиции к власти. Поскольку вопрос о кандидатской диссертации откладывался на неопределенное время, а политика всегда очень интересовала Николая, он, недолго думая, согласился и в последствии никогда не жалел о своём выборе. Звали оппозиционера Львом Моисеевичем Березуцким, он был одним из лидеров левого движения и возглавлял партию «Народ и свобода».

Познакомился Николай с Львом Моисеевичем одиннадцати летним мальчиком, когда однажды оказался у него в доме. Сын Льва Моисеевича, Гоша, нескладный, болезненный пятиклассник, из-за своего высокого роста, прозванного каланчой, пригласил Николая к себе домой и предложил вместе делать домашние задание. Дело в том, что Гоша обладал незаурядными математическими способностями и совершенно не владел русской грамматикой. Николаю же наоборот легко давались гуманитарные предметы и не мог взять в толк точные науки. С тех пор так и повелось – Гоша втолковывал Николаю, что два плюс два ровно четырем, а Николай объяснял Гоше разницу между суффиксом и префиксом. Впервые увидев отца Гоши, Николай удивился тому, как непохожи они были – Лев Моисеевич, невысокого роста, полноватый, с огромной лысиной и одутловатым лицом закоренелого пьяницы был полной противоположностью своему сыну. Гоша же к одиннадцати годам был на полголовы выше своего отца, тощ, как жердь, а бледное, бескровное лицо напоминало о жертвах Бухенвальда и Освенцима. И только позднее, увидев мать Гоши, Басю Натановну, Николай понял почему он так не похож на своего отца.

Кроме Гоши, к которому Николай питал нечто вроде сочувствия и жалости у него был ещё друг – полная противоположность Гоши. Павел Одинцов, так звали его друга, был крепкий, хорошо развитый физически паренек, всерьез увлекающийся восточными единоборствами. Их дружба началась не совсем обычно, однажды классе в седьмом Павел на перемене куда-то спешил и, запнувшись о Гошину ногу чуть не упал. Обозвав Гошу жидовской мордой, он хотел бежать дальше, но тут Коля, подскочив к обидчику, дал ему звонкую пощечину. Началась драка, Павел, мгновенно сбил с ног и разбив нос своему противнику с видом победителя ушел. На следующей перемене он подошел к Коле и, похвалив его за стойкость, предложил вместе с ним заниматься в секции карате и помолчав, добавил – Самозащита без оружия тебе ещё не раз пригодится в жизни, а с твоими задатками из тебя получится классный боец. Коля согласился записаться в секцию и с тех пор они вместе пять раз в неделю стали ходить на занятия. Однажды, после очередных занятий, тренер подозвал Павла и Колю и сказал – Мальчики помните, дружба, зародившаяся в школьные годы самая крепкая и, как правило, длится всю жизнь, дорожите ею. Коля много раз пытался свести своих друзей поближе, пока после очередной попытки Павел не сказал ему – Отстань со своим Гошей, он размазня, а я не люблю таких людей. Я, конечно, буду защищать его, как твоего друга, но не более, понял?

– Ты, что антисемит? – воскликнул Коля.

– Николай, я не антисемит, просто я больше люблю людей крепких духом, таких как ты.

Но однажды Коле удалось затащить в гости к Гоше своего друга. Сначала они просто болтали, наконец Павел попросил Гошу помочь ему с задачкой по алгебре. Они так увлеклись решением, что с трудом оторвались, когда их пригласили отобедать. В этот день Лев Моисеевич был в ударе, за столом он в своём стиле рассказал несколько забавных историй, Павел от души хохотал, а Коля был очарован этим человеком и дал себе слово, когда ни будь научиться искусству рассказа.

В конце обеда Лев Моисеевич внимательно посмотрел на Павла и сказал – впереди, вас, мой друг ждут тяжёлые испытания, будьте готовы к ним.

– Он хочет стать военным – подал голос Гоша.

– У всех военных трудная судьба – улыбнулся Лев Моисеевич.

Обед закончился и Коля с Павлом вышли на улицу – клёвый мужик Гошин отец, очень интересно рассказывает.

С тех пор Николай безотчетно стал ждать встреч с этим чрезвычайно интересным, динамичным и талантливым человеком. Когда бы он не приходил к ним в гости и, если дома бывал Лев Моисеевич, это всегда был незабываемый вечер. Здесь было всё – анекдоты и короткие рассказы, пантомимы и комментарии к последним новостям. Для Николая, росшего без отца с вечно занятой матерью, фактически без родительского присмотра, вечера в семье Березуцких были подобно оазису в бесплодной пустыне, где он полной грудью вдыхал свежий воздух, наполненный ароматом другой диковиной жизни. Уже тогда, к 10 классу, он стал собирать различные газетные заметки о диссидентах, по возвращении домой записывал в отдельную тетрадь наиболее понравившиеся рассказы знакомых и гостей семьи Березуцких, стал как бы хроникёром этих в высшей степени интересных людей. Более того, однажды Николай, буквально вынудил Гошу искать записки отца (а они, он не сомневался, были) и тот нашёл. Это была толстая коричневая тетрадь в клеточку, исписанная мелким каллиграфическим подчерком с описанием различных жизненных ситуаций, в которые попадал Лев Моисеевич. Первая запись была помечена 1 сентября 1977 года, где десятиклассник Лёв Березуцкий даёт краткие характеристики некоторых учителей, так историчка – истеричка, которая, кроме официальных коммунистических догм, ничего не знала, а главное, ничего знать не хотела. Биолога обозвал идиотом, который как попугай повторяет дурацкую Дарвиновскую теорию происхождения видов и в частности, человека. Прочитав подобное, Николай попытался по – новому посмотреть на своих учителей и ничего не увидел – уж больно убедительны были они.

Со слов Гоши, родился Левушка, как звали в семье, Льва Моисеевича, в Барановичах, в июле 1950 г. когда родители были в отпуске у его бабушки и дедушки. Мать Ада Борисовна врач, отец Моисей Адамович инженер, оба были членами КПСС, чем тяготились, но терпели, понимая, что только членство в партии дает им возможности карьерного роста. Прадед Льва Моисеевича был революционером, организовал первую социал – демократическую типографию в Минске за что был сослан в Сибирь, где в Томском остроге родился его дед, будущий командир полка в конной армии Семёна Буденного, а после окончания гражданской войны работал в Наркомате под руководством Льва Троцкого. В 37, дед был обвинён в троцкизме, осужден на 10 лет лагерей, где и скончался от непосильных трудов. Тот, кто близко знал Льва Моисеевича, были уверены, что именно революционная наследственность, определила всю его жизнь – жизнь, как он считал, отданную борьбе с несправедливостью, независимо от того, кто в это время находился у власти. Генетической потребности борьбы, немало, сами того не подозревая, способствовали его родители, которые на кухне изливали друг другу своё недовольство существующими порядками, обвиняя во всех смертных грехах высшее руководство КПСС, которое запретило брать евреев на руководящие должности в государственные и общественные учреждения. Им был закрыт доступ в МИД, КГБ, МВД, аппарат ЦК КПСС и Совмин. И как следствие не брали их и в соответствующие ВУЗы. Каждую субботу (шабат) Ада Борисовна готовила мацу, приходили самые близкие друзья отца и обсуждали положение

евреев в разных странах мира, но чаще всего, спорили, о том, когда разрешат выезд евреев в Израиль и разрешат ли вообще. Эти домашние посиделки в еврейских семьях в конце концов привели к возникновению мощного движения еврейской эмиграции, охватившего до конца 80-х гг. сотни тысяч человек.

Затем появлялся мужчина с козлиной бородкой, в черной длиннополой одежде с кипой на голове, и, при благоговейном молчании, на иврите читал Тору. Раз в месяц родители уходили в гости, где в одной из московских квартир отмечали рош ходеш – первый день еврейского календаря.

Ещё в подростковом возрасте Лёвушка узнал и о Тамбовской трагедии, и о незавидной роли будущий маршал Тухачевский травившего газами недовольных советской властью крестьян, и о ГУЛАГе, где погибло великое множество народа. Особенно его поражали рассказы дяди Хаима, полтора десятка лет, проведших в сталинских лагерях. Этот дядя Хаим был фигурой во всех смыслах примечательной; во-первых его облик не вязался с обликом человека, прошедшего пятнадцать лет в концлагере, потому как он был мужчина в расцвете сил, плотного телосложения, розовощекий, неистощимый весельчак и балагур. Во-вторых, как это ни странно, защищал советскую власть, доказывая, что только она дала подлинную свободу еврейскому народу. А то, что произошло с Троцким и такими как он, то это было ни больше, ни меньше, как только внутренними разборками власть имущих. Однажды в один из таких вечеров дядя Хаим настолько увлёкся, что, забыв о присутствии Гоши и Николая, вспомнил об одном из эпизодов своей лагерной жизни. – «Это было в самом начале 50-х, перед самой смертью Сталина, рассказывал он – я только, что прибыл по этапу в один из таймырских лагерей, стою в ветхой телогрейке на 50 градусном морозе и думаю только о том, чтобы поскорее кончился развод и мы приступили к работе. Проходит полчаса, потом час, наконец, появляется пьяный полковник, начальник лагеря, и толкает речь – граждане уголовнички и недобитые враги народа, запомните одно – до неба высоко, до бога далеко, до кремля ещё дальше, а потому здесь я ваш царь и бог, и вы будите жить столько сколько захочу я, полковник Насруддинов, и помните здесь выживает сильнейший! Но это было только начало – нас вывели из зоны, подвели к какой-то скале и выстроили в колонну по одному. Затем старшой наряда выдал три кайла на семьдесят зеков и ушёл. Каждому зеку полагалось ударить в породу три раза, затем снова становится в очередь за следующей порцией ударов. Подходит моя очередь и вдруг тот, что стоял на три зека впереди, делает два удара по породу, а третьим проламывает череп своего соседа. Вы бы видели эту картину, все, кто был поближе окружают плотным кольцом убиенного и истошно кричат охране – я, яяяя убил!

– Но почему все эти люди хотят быть убийцами? – спросила я стоящего рядом старичка.

– А потому, жидок, что впереди убийца, ждёт пересылка, дознание, суд, а значит несколько месяцев тепла и тюремного уюта.

– Но за это расстрел.

– Мойша, какой расстрел, это бытовуха, добавят ещё десятку, ну и что с того, коль у тебя уже есть четвертак.

– Дядя Хаим, но выто, как выжили в этом аду? – спросила Бася Натановна, мать Гоши.

– Басенька, мне просто повезло, как ты знаешь, я хорошо знаком с фельдшерским делом, это и помогло мне. Вскоре меня перевели в лагерную больничку, я был избавлен от вечного холода и тяжкой, никому не нужной работы. Дядя Хаим помолчал, поднял указательный палец вверх и сказал – «Кто бы чтобы не говорил о советской власти, но и она может быть справедливой и жестоко карать настоящих преступников каким был полковник Насруддинов. Сразу после 20 съезда КПСС, в Москве были созданы выездные комиссии из высоких московских чинов, которые были командированы во все ГУЛАГи страны с заданием произвести на местах расследование о злоупотреблении властью тамошних начальников и правом вершить суд над виновными. Так вот уже через несколько дней пребывания такой комиссии в нашем лагере

полковнику Насруддинову, за издевательства над зэками и воровство, был вынесен смертный приговор, и он был тут же расстрелян на вечерней лагерной поверке.

Эти рассказы бывалых людей подвели Лёвушку к мысли, что любая власть по своей природе преступна. О чем он поведал в статье для школьной стенгазеты. К счастью этот опус успел перехватить отец и прочел непутёвому сыну лекцию о выскочках. Сынок, говорил он, ты должен понять, что мы не в праве, даже намёками, критиковать существующий режим, он даёт нам возможность жить и работать, ты еще молод и тебе надо получить образование, а уж потом.... А что потом, он не договорил, видимо подразумевал не иначе как свободу выбора.

Впрочем, Бася Натановна, рукопись сохранила, а Гоша дал Николаю её почитать. В ней рассказывается о каких-то полинезийских племенах, как они прекрасно жили, а все жизненно важные вопросы решали сообща. Дальше он пишет, как однажды на острова пришли злые люди, и заявили, что теперь все племена образуют некое независимое полинезийское государство, что всё взрослое население должно работать по принципу – от каждого по способностям, каждому по труду. Затем отдельное племя стало именоваться коммуной, для всех, включая детей 12 лет, ввели трудовую повинность – каждый взрослый мужчина должен был в течении дня выкорчевать не менее десяти деревьев, дети обрубать сучки, а женщинам отводились уход за посевами и уборка урожая. За свой каторжный труд каждый работающий три раза в день получал миску риса и лепёшку, так что коммунары вынуждены были разнообразить свой рацион червяками, ящерицами и другой тропической живностью. Непосильный труд на плантациях, издевательства пришельцев и полуголодное существование в течении десяти лет привели к почти полному вымиранию племен. Из этого Лёвушка делает вывод, что любая власть есть насилие, а потому преступна.

Глава 2

Окончив школу с серебряной медалью Лёвушка поступил в один из московских вузов, по окончании, которого получил специальность инженера – конструктора летательных аппаратов. Учась на втором курсе, он организовал подпольную студенческую группу, в которой обсуждалась необходимость введения студенческого самоуправления, автономия вузов, выборность ректора и право студентов приглашать с лекциями видных ученых. Все эти вопросы тесно связывались с проблемой государственной власти, которую необходимо было менять. Правда уже через полгода эта группа, как антисоветская, была разгромлена, все, кроме Лёвушки, были исключены из института и отправлены в провинцию на исправительные работы. Поползли слухи о предательстве самого организатора, но вскоре всё благополучно разрешилось. Лев Моисеевич публично покаялся в своих заблуждениях и заверил, что впредь будет неукоснительно соблюдать законы своей страны. Вместо политической борьбы он ударился в разгульную жизнь, почти перестал учиться и в результате одна из его любовниц Марина забеременела. Лёвушка привёл свою пассию домой, познакомил с родителями и попросил их благословения, но родители, узнав, что Марина, русская, да ещё из провинции, как-то неуклюже стали отнекиваться и попросили несколько дней для ответа. Целый месяц Лёвушка пытался убедить отца в том, что он, как порядочный человек, не может оставить беременную девушку. Уверял что, в конце концов, это их внук и они не могут бросить его на произвол судьбы. И уж совсем отчаявшись, стал доказывать, что свежая кровь только омолодит их семью и пойдет на пользу последующим поколениям Березуцким. На что отец категорически заявил, что порядочные девушки до свадьбы в постель не ложатся, а потому доверия ей не может быть. Но, главное даже не в этом – заявил он – как никак мы с матерью тоже живём в обществе, где давно целомудрие не в почете. Главное в другом – жена – это старт в твою новую жизнь, и от того насколько он будет хорош во многом зависит твоя дальнейшая жизнь. Мы позаботились об этом, и уже сговорились с Абрамовичами о вашей свадьбе с их дочерью Басей. Она

согласна. Довожу до твоего сведения, что товарищ Абрамович Натан Михайлович, никто-ни будь, а заместитель министра финансов и мой начальник. Так что готовься, через неделю едем сватать, потом и свадьбу сыграем.

Лёвухке такой вариант вполне ему подходил, а Марина? Ну, что ж, как говорится «се ля ви», против родительской воли не попрёшь.

Марина, узнав, что свадьбы не будет, пришла к своему жениху, но, когда дверь открыл его отец, плюнула ему в лицо и с гордо поднятой головой ушла. На следующий день в институте она взяла академический отпуск и уехала к родителям в свой родной город. Вскоре Марина родила мальчика Вову. Так появился на свет Владимир Львович, будущий, склонный к экстремизму, непримиримый националист.

Собственно, женитьба на Басе, как оказалось, была predetermined самим течением жизни. Дело в том, что Лева и Бася были очень близки ещё со школьной скамьи. Тихая и застенчивая от природы, Бася, по прозвищу «Дылда», из-за её роста, была постоянным объектом насмешек одноклассников и Лёва, по доброте душевной, все школьные годы опекал её. Бася привязалась к нему всем своим израненным сердцем обиженного ребенка и уже не могла себе представить, что когда-то придет время и её Лёвухка перестанет о ней заботиться. В классе десятом, Лёва увлекся девочкой из соседнего класса и перестал обращать внимание на Басю. Вот тогда Бася показала свой характер. Однажды, как всегда в последнее время, Лёва после уроков шел провожать свою новую подругу, Бася догнала их, забежала вперед и вызывающе глядя в глаза оторопевшему Лёве, заявила – придет время, ты все равно будешь моим. Развернулась и с гордо поднятой головой ушла. Прошёл год, потом другой, казалось бы, детские страсти должны были утихнуть, но только не для Баси. Она тенью следовала за своим избранником, издали следила за Лёвиными выкрутасами, была в курсе всех его походов и вот её час настал. Как говорится пришло время, и Лёвухка оказался в ловушке. Бася знала, что Лёвин отец служит рядовым клерком в министерстве финансов и этим обстоятельством решила воспользоваться в полной мере. Бася заявила своему отцу, что если он не поможет ей соединиться с Лёвухкой, то она покончит с собой. Натан Михайлович пригласил в свой кабинет Лёвиного отца и там, за «чашкой» конька в задней комнате огромного кабинета, они пришли к обоюдному согласию. Судьба Лёвухки была предрешена.

И всё бы хорошо, однако радости от житейских благ и собственно жены Лёва не ощущал. Особенно угнетал его её баскетбольный рост, Бася, была на целую голову выше и потому, всю последующую совместную жизнь, он старательно избегал выходить с ней вместе из дома. К тому же её нижняя челюсть сильно выдавалась вперед, придавая ей вид без временно состарившейся женщины. Но, как оказалось, всё это мелочи жизни, как говорится, был бы человек хороший, а Бася была именно такой, не жадной, покладистой, в общем, добрейшей души человек, к тому же безропотно терпела все Лёвины выкрутасы, измены и придирки по мелочам. Узнав, что у Лёвы есть внебрачный сын, она выделила из семейного бюджета 40 рублей, узнала адрес Марины и от Лёвухкиного имени послала эти деньги в Нижнегорск. К её неподдельному огорчению через месяц деньги вернулись с припиской никогда больше не утруждать себя подачками. На том её благотворительность и закончилась. Кто бы что ни говорил о благородстве души, но не каждая жена вытерпит недельные отлучки мужа, Бася, же терпела, и даже не спрашивала Лёву, где он всё это время бывает, твердо веря в его порядочность. Об отлучках стало известно его теще и та, недолго думая, устроила настоящий допрос своему зятю. Оказало всё очень просто, когда Лёва вдруг замечал за собой слежку, он собирал самые необходимые вещи и уезжал на дачу к своему приятелю. Через неделю, получив от него сигнал, что всё благополучно, обыска в квартире не было, никто не арестован, Лёва возвращался в родные пенаты. На вопрос тещи, почему он никогда не говорил об угрожающей ему опасности своей жене, Лёва резонно отвечал, что лучшая гарантия сохранения тайны, не знать её вовсе. Так бы и продолжалось неизвестно, сколько времени, если бы не соседка по даче. Эта

соседка уже не первой молодости, была чертовски хороша собой и однажды они столкнулись в электричке, после чего всё полетело кувырком. Не растроченная Лёвой любовная страсть, вырвалась наружу, охватила все его существо так, что даже минута, проведенная без любимой, была невыносимой. Так продолжалось полгода, но однажды его задержали и препроводили в кутузку. Сидя в одиночке, Лева с ужасом представлял себе, как его отправляют в далёкий Магадан, где лютый холод и непосильный труд на урановом руднике. Зная мнительную натуру Лёвы, дни, проведенные в СИЗО были самыми тяжелыми для его травмированной психики. На третий день, не выдержав неизвестности, он стал кричать и проситься на допрос. Вскоре открылась дверь, но вместо следователя на пороге стоял его тесть. Тесть долго рассматривал похудевшую фигуру своего зятя и наконец и заявил – либо Лёва возвращается домой к жене, либо 58 статья и тюрьма. Лёва, сгорая от стыда за своё малодушие, выбрал дом и жену. Возвращался домой Лев Моисеевич с тяжелым чувством вины, ожидая скандала, слез и упреков и от этого всё более раздражаясь и злясь на обстоятельства, в которые он попал. Но вместо истерики встретила Бася своего беспутного мужа молча, с немым упреком в глазах, всем своим видом показывая, обижена, но совсем немного, самую малость и что готова его простить если он покается перед ней. Не выдержав этого немого укора, Лёва встал на колени и, склонив голову подполз к Басе, обхватил её колени и тихо по волчьему завыл. Этот тоскливый вой Бася приняла за рыдания заблудшего, потерявшего себя и раскаивающегося ребенка, опустилась на колени рядом со своим Лёвушкой и заплакала не то от обиды, не то от радостного умиления. Недели через две Лёвушкина страсть к соседке начало утихать, а через два месяца совсем сошла на нет. Как говорится – всё вернулось на круги своя. С тех пор Лёва стал очень разборчив и осторожен в своих любовных связях, предпочитал женщин легко доступных, не обремененных предрассудками, которых можно было встретить в московских ресторанах.

Шел четвертый год студенческой жизни Льва Моисеевича, когда среди студентов появилась рукопись статьи о свободе слова в России. В ней говорилось о том, что современные правители огромной страны, и их прихвостни из органов не дают честному человеку высказать всё, что он думает о советской власти, о том, что в дурдомах сидят диссиденты и т. п.

Все тут же приписали этот антисоветский пасквиль Льву Моисеевичу, но он категорически отвергал своё авторство. Одно было плохо, среди его приверженцев появился слух, о том, что он продался гэбистам, будто бы он провокатор и, подобно рыбаку, специально вбрасывает антисоветчину в качестве наживки для недовольных. В те дни несчастный Лёва бегал по институту и уверял всех, что он здесь не причём, что это поклёп на его честное имя. Многие студенты снисходительно похлопывали его по плечу и говорили, что всё, мол, окей, так и надо, а вскоре в институтской газете появилась карикатура, на которой рыбак, с характерным Левиным профилем, сидя на черной туче, забрасывал удочку с антисоветским пасквилом на крючке. Внизу толпились легко узнаваемые сокурсники и жадно, широко разинутыми ртами, ловили рукопись. Больше недели Лёвушка ждал исключения из института, по несколько раз в день забегал в деканат, просматривал доску объявлений, но приказа всё не было. Не выдержав неизвестности, Лёвушка помчался в комитет комсомола и там, под ехидными взглядами комитетчиков, написал заявление о своей непричастности к антисоветчикам, будто бы гнездившихся в стенах их прославленного института. К счастью для Лёвушки никто и не собирался применять к нему никаких санкций. Поговаривали так же, что Лёвушку куда-то забирали, после чего он начал стремительно лысеть. Знающие люди говорили, что облысел Лев Моисеевич после какой-то страшной трагедии, о которой в его семье никогда не упоминали. Впрочем, другие уверяли, что никакой трагедии не было и в помине, просто он тогда попал в компанию инакомыслящих, его несколько раз потрянули гебисты и после недельной отсидки в одиночке Лев Моисеевич потерял остатки своей и без того жиденькой шевелюры. Поговаривали также, что он, будто бы не вытерпев издевательств, раскололся и выдал всех участников крохотного кружка недовольных существующим режимом. Впрочем, всем этим рассказням и слухам мало кто верил, а иные

даже уверяли, будто бы Лев Моисеевич нарочно распускает подобные слухи, что давало ему право называть себя «мучеником совести». Где тут была правда, а где вымысел Николай так никогда и не узнал, но вот манеру Льва Моисеевича панически вздрагивать всякий раз, когда слишком громко стучали в дверь их квартиры, он давно заметил. Много позже Николай узнал, что Лева был отравлен на принудительное обследование в психиатрическую больницу, где, будто бы был поставлен диагноз вялотекущей шизофрении и параноидальное развитие личности. Впрочем, по убеждению Николая, подобный диагноз можно обнаружить у любой легко возбудимой творческой личности.

После окончания института Льва Моисеевича, по высокой протекции, устроили младшим научным сотрудником в одно из престижных КБ, где создавались новейшие фронтальные бомбардировщики. Первые полгода он так увлекся работой, что на время забыл своего главного врага – государство и всё что его олицетворяет. Вскоре он предложил свою разработку, что-то вроде летающего авто, сделал действующую модель, но идею не поддержали, тем самым вызвав взрыв негодования и целый поток обвинений чиновникам от науки. Поняв, что в прикладной науке и действующем производстве всё уже распределено между маститыми учеными, Лев Моисеевич пустился в беллетристику, написал большую статью о пользе революционных потрясений в общественной жизни и под псевдонимом отправил её в один из солидных отечественных журналов. Статью не опубликовали, но появилась разгромная редакционная статья о псевдоревolucionерах и провокаторах всех мастей. Впрочем, появление редакционной статьи не удивило Льва Моисеевича, и вскоре он совершенно забыл о журнале. Но, как позднее стало известно, кое – кто, не только не забыл статью, но и каким-то образом отыскал её автора. Однажды вечером ему позвонила женщина, представилась шеф-редактором журнала, сказала, что внимательно прочитала статью, полностью с ним согласна, и попросила разрешение отослать её в «Посев». В те годы – это одиозное издание было под запретом и тайно распространялось в нашей стране. Недолго думая, Лев Моисеевич согласился и предложил закрепить заочное знакомство личной встречей. Через своих знакомых, Лев Моисеевич узнал, что Фрида, (так звали эту даму) совсем и не редактор, а одна из активисток Хельсинской группы, через неё в столицу шла нелегальная литература и самиздат. Фрида не только распространяла все возможную антисоветскую литературу, но принимала непосредственное участие в акциях протеста на Красной площади, распространяла листовки с призывами свержения существующего строя. Много раз подвергалась арестам и принудительному содержанию в психиатрических лечебницах. Через три дня встреча состоялась в кафе на Арбате, Фрида Зибельман оказалась малопривлекательной женщиной тридцати лет, но весьма умной, начитанной и напористой особой. Беседа с ней окончательно убедила Льва Моисеевича в необходимости борьбы с существующими порядками, борьбы за демократизацию общества и отстранения от власти КПСС. С той поры в близком окружении он стал официально именовать себя диссидентом и борцом за права человека, намекая при этом на свою связь с определёнными кругами Западной Европы и США. Связь эта, по-видимому, была, так как вскоре радиостанция «Голос Америки» передала полный текст его неопубликованной статьи. На следующий день после передачи Льва Моисеевича вызвали в первый отдел КБ и потребовали объяснений. Страна стояла на пороге перестройки и гласности и потому Льву Моисеевичу вместо дурдома предложили незамедлительно покинуть режимный объект. Получив расчет Лев Моисеевич попытался устроиться на работу по специальности, но всюду получал отказ. Тогда он написал петицию в Верховный Суд с требованием восстановить его на работе, указывая на то, что никаких военных таен, он в своей статье не разглашал, а значит, никто не может лишить его права на труд. Не известно, каким образом, но эта петиция с комментариями забугорных правозащитников попала на страницы иностранной прессы, получила широкую огласку на Западе и стала предметом обсуждения в Совете Европы. Представитель одной из страны, члена ЕС предложил Льву Моисеевичу выступить на заседании Совета с докладом о демократических свободах

и правах человека в СССР. Это был звездный час Льва Моисеевича, его заметили не только политические деятели, но и представители различных фондов развития демократии в странах Восточной Европы. Правда для поездки в Брюссель требовался заграничный паспорт, и Лев Моисеевич приготовился биться за своё законное право свободного передвижения с чиновниками из МИДа, но к его удивлению уже через месяц получил документ, а затем и шенгенскую визу. По возвращении из Брюсселя Лев Моисеевич развил бурную деятельность по созданию нелегальной политической партии «Народ и воля», основной деятельностью, которой, должна быть борьба за отмену цензуры, реализация (не на бумаге, а на деле) основных прав и свобод, многопартийность и гласность. Основными методами борьбы провозглашались публичные акции, как-то – демонстрации и митинги протеста, распространение листовок и собственной газеты, голодовки в знак протеста и другие формы ненасильственных действий, которые бы, в конечном счете привели к установлению в стране демократической формы правления. Фрида Зибельман с восторгом поддержала эту идею и принялась лихорадочно вербовать сторонников демократии. Вскоре состоялся нелегальный съезд партии «Народ и воля» на котором присутствовало тринадцать человек из пяти регионов. На первом заседании был принят манифест ко всем равнодушным людям с призывом создавать отделения партии на местах. Затем обсудили Устав, но к единодушному мнению не пришли из-за формулировки ненасильственного свержения существующего строя. Семь делегатов требовали радикальных мер, вплоть до вооруженного восстания. Регионалы доказывали, что недовольство народа существующим режимом достигло предела, чему способствует отсутствие в магазинах жизненно важных товаров и будто бы народ только и ждёт новых вождей, способных повести за собой массы. Лев Моисеевич сумел погасить страсти, доказав, что радикальные формулировки на руку их врагам, которые постоянно ищут причину для разгрома любой оппозиции. Решили ничего не принимать, а обсуждение и принятие Устава перенести на более позднее время.

Не успели создатели нелегальной партии решить вопрос о методах прихода к власти, как в стране грянули небывалые перемены. Под давлением фатальных обстоятельств огромная страна развалилась на части, к власти пришли новые неординарные личности. Их усилиями КПСС была упразднена, идолы свергнуты, диссиденты могли спокойно выражать свои взгляды, а главное можно было легально создать любую партию, вплоть до любителей пива. Наступило время политического и экономического хаоса, из этой мутной воды вынырнула целая когорта сомнительных политико-экономических деятелей, главным оружием которых, при полной растерянности новых руководителей страны, была демагогия и умелое жонглирование экономическими теориями.

В этой обстановке Лев Моисеевич оказался как бы не удел. Для успешной политической деятельности в новых условиях нужны были большие деньги, а их то и не было. И тут ему на помощь пришла его жена. Оказалось, что, Бася очень близка с Дарьей Завадской, муж которой был одним из советников президента по приватизации. Лев Моисеевич сразу оценил открывающиеся возможности и попросил жену устроить встречу с подругой. Тут же был придуман предлог – годовщина их совместной жизни и Бася энергично взялась за организацию встречи. Было решено пригласить самых близких друзей, каждому из которых отводилась определённая роль, Лёвушка должен был блеснуть своими обширными познаниями в экономике и в частности участия каждого жителя страны в приватизации государственной собственности. Особый упор делался на приобретении ваучеров и акций нефтегазовых предприятий, как самых востребованных на мировом рынке сырья. Сразу возникал вопрос о деньгах и вот тут на первый план выступал владелец банка «Континенталь» Борис Абрамович Аллилуев, близкий друг отца Баси. Вечеринка состоялась, и после нескольких бокалов французского шампанского, разговор плавно перетёк к положению в стране и её финансовому состоянию. Государственный финансовый крах был очевиден, и многие, знающие положение дел, люди, искали возможности спастись от надвигающегося коллапса. Как оказалось, Басина подруга сразу смек-

нула, откуда дует ветер и, улучшив минуту, попросила Льва Моисеевича о встрече. – Ключула – потирал руки Лёва и пригласил Дарью на чашечку кофе в Метрополь. Дня через три встреча состоялась, на которой стороны обсудили степень участия каждого в деле. Было решено создать акционерное общество, которое бы скупило долги нефтяников перед бюджетом, а взамен, получило нефть, которую можно было продать на Запад. Первый шаг был сделан. Вскоре было создано ОАО «Нефтепром», банк «Континенталь» выделил льготный кредит на 10 миллионов долларов, и колесо закрутилось. Через полгода Лёва и компания настолько развернулись, что потребовалось создать несколько дочерних фирм, в т.ч. «Транснефть», которая имея в собственности более 100 нефтеналивных цистерн, транспортировала нефтепродукты в страны Западной Европы. Во тут-то Лев Моисеевич впервые почувствовал запах больших денег. Политика была заброшена, радикальные друзья забыты, заботы о преумножении капиталов полностью завладели его сознанием. В тайне он уже подумывал о министерском портфеле или на худой конец значительной должности в аппарате президента, с тем, чтобы непосредственно, а не через посредников, влиять на состояние своих финансов. Вскоре такая возможность появилась, по протекции Дарьиного мужа, Лёвушка встретился с президентом и тот предложил ему пост советника по межнациональным вопросам, правда на общественных началах. Лева тут же согласился, у него появился свой стол в одном из кабинетов на Старой площади, а вскоре и нужные связи в политической элите страны. Деньги уже мало волновали его, свой первый миллион долларов, они отметили в семейном кругу, и тесть тут же посоветовал открыть оффшорный счёт на Кипре, что он сделал. Надо сказать, что тесть, не смотря на свою отставку, имел значительный вес в финансовых кругах ведущих стран Европы, а потому во всех делах Льва Моисеевича играл ведущую роль, именно он консультировал его во всех сделках с зарубежными партнёрами и даже выступал их гарантом. Что касается его межнациональной деятельности, то тут Лев Моисеевич особых успехов не достиг, правда, он несколько раз встречался с лидерами сепаратистов, но всё впустую. Эти встречи привели его к неутешительному выводу – только физическая ликвидация, упёртых в своём национализме, бандитов способна дать положительный эффект. После одной из поездок на Северных Кавказ, он встретился с президентом и высказал ему свои соображения на этот счёт. Добавив, что надо создать несколько мобильных специальных групп, которые бы, не вступая в столкновения с бандитами, отслеживали и ликвидировали их курьеров с оружием и деньгами. Дальнейшие события показали, что президент прислушался к его советам и вскоре главный бандит был уничтожен ракетой воздух – земля.

Глава 3

Окончив школу, друзья разлетелись в разные стороны. Николай Мохов поступил в МГУ на исторический факультет, Павел Одинцов в общеобразовательное училище г. Подольска, а Гоша в Баумановское. Но, несмотря на столь разные интересы их дружба с годами только крепла. Каждое лето они втроем отправлялись в самые интересные уголки России – первое лето после школы они провели на Байкале, затем побывали на Памире и в устье Волги и, наконец, добрались до Камчатки с её вулканами и горячими гейзерами. В эти годы Николай, похоронив мать, остался совсем один и невольно стал ещё больше дорожить их дружбой. Павла тоже постигло несчастье – умер от инфаркта отец, мать с горя зашла и через год отправилась вслед за своим мужем. И только Гоша шел по жизни не зная, ни горя, ни забот – окончив с отличием Баумановское училище, он был приглашен на стажировку в Гарвард. Прошел ещё год и вот однажды Николай получил от лейтенанта Одинцова приглашение на свадьбу, которая прошла скромно, без изысков, но очень тепло и весело.

Казалось бы, все наладилось, Николай поступил в аспирантуру, Павел женился и отправился служить вместе с молодой женой в самый отдаленный гарнизон – на Чукотку. Затем

началась война, жена Павла Люся, вернулась в Москву, а муж, получив, внеочередное звание капитана, отправился воевать в Чечню в составе отдельного штурмового батальона под командование подполковника Алексея Быданова.

Все шло по законам бытия – будущий ученый собирал материалы на диссертацию, военный воевал, математик пытался решить одну из загадочных теорем, пока осенним вечером в дверь аспиранта Мохова не постучали.

– Кто это может быть? – подумал Николай и, открыв дверь, застыл на пороге.

Прислонившись к стене, стоял с бутылкой водки в руке Павел Одинцов.

– Пустишь? – заплетающимся языком спросил он.

– Что за вопрос, входи, очень рад тебе!

Они сели за стол, на котором красовались пара помидор, несколько огурцов и любительская колбаса. Выпили за дружбу, за верность, помянули своих родителей, и Павел вдруг сказал – а я ведь к тебе пришел переночевать.

– Переночевать? – удивленно спросил Николай – ты, что с Люсей поссорился?

– Хуже, она развелась со мной, квартиру оставила себе и теперь у меня ни кола, ни двора и ни рожки с кожей, холостой и бездомный офицер российской армии – мрачно ответил Павел.

– Ну и дела! Но почему вдруг развод?

– Ей, видите ли, надоело ждать похоронку, надоело быть одной, надоело трястись от каждого стука в дверь. Ну, всё, хватит об этом, лучше скажи, когда ты женишься?

– Лет через десять, когда мне будет все равно кто рядом со мной – засмеялся Николай.

– Живи, как знаешь – махнул рукой Павел – а я попою недельку и поеду снова воевать, но прежде заеду в Богородск, посмотрю дом, который мне достался в наследство от бабушки. Может быть там, в Богом забытом уголке необъятной России, мне придется доживать свой век.

Так и случилось – через полгода после тяжелого ранения и ампутации ноги по колено Павел Одинцов поселился в бабушкином доме. Однажды, не выдержав одиночества, он написал письмо своему бывшему командиру и другу подполковнику Алексею Быданову.

Глава 4

Получив письмо от Павла Одинцова, в котором тот описывал своё житьё-бытьё и звал его в гости, подполковник Алексей Быданов решил немедленно ехать к другу.

Собственно, Алексею было все равно куда ехать, из-за скандала связанного с убийством малолетнего снайпера, за дело взялась военная прокуратура и его, от греха подальше, командование отправило в бессрочный отпуск. Кроме того, в письме друга явно сквозила тревога, хотя прямо он об этом не писал, но уже то, что Павел вдруг влез в политику, настораживало.

Автовокзал в этом Богом и людьми забытом городке представлял собой некий приземистый серый куб с большими давно немывтыми грязными окнами и небольшой асфальтированной площадкой для рейсовых автобусов. Около входной двери, поджидая приезжих, шныряло несколько подозрительных типов и три цыганки с целым выводком цыганят. Проходя мимо этой разношерстной толпы, Алексей невольно прижал рукой свой тощий рюкзак и огляделся в поисках придорожного кафе. Окинув взглядом улицу, он заметил в одном из двухэтажных домов слабое свечение неоновой вывески и, решив, что это и есть кафе, направился к нему. Проходя мимо цыганок, он невольно задержал взгляд на молодой и довольно милой, опрятно одетой, цыганке, которая тут же подошла к нему и, схватив за руку, прошептала – служивый, тебя ждут большие трудности и большая любовь в этом городе, остерегайся людей, которые будут набиваться тебе в друзья.

– Брось болтать чепуху, я проездом и не собираюсь здесь задерживаться – отдергивая руку, строго сказал Алексей.

– Мы предполагаем, а Бог располагает – удерживая руку Алексея, свистящим шёпотом, сказала цыганка и выразительно помолчав, добавила – в кафе, куда ты собираешься идти, тебя ждёт твоя судьба.

– Всё, отстань – решительно выдергивая руку из цепких пальцев цыганки, сказал Алексей и зашагал в сторону кафе.

– Ай, ай, ай, напрасно ты служивый так, я тебе всю правду сказала, судьбу предсказала, а ты не слушаешь, думаешь, цыганка все врет, а ждёт тебя ещё кое – что. Если захочешь узнать, что ждёт тебя, приходи сюда, я всё скажу.

Пройдя метров двести, Алексей остановился и взглянув на вывеску прочитал Кафе «Маленький Париж»

– Неужели действительно Париж? – скептически подумал Алексей и, спустившись по ступенькам вниз, отрыл металлическую дверь. Вначале ему показалось, что в полутемном зале никого нет, но приглядевшись, заметил нескольких человек, сидящих в противоположном конце зала. Отыскав у стены пустой столик на двоих, он подошел к нему, скинул с плеча рюкзак, задвинул его под стол и сел.

– Очень уютно, подумал он, оглядывая небольшой зальчик кафе. Барная стойка, столики и площадка для танцев.

– Вы ужинать или просто посидеть? – подходя к нему, улыбаясь, спросила подошедшая девушка в тёмно лиловом костюме.

– Минуточку, сейчас посмотрю ваше меню и тогда решу – улыбнулся в ответ Алексей и с удивление подумал – какая оригинальная девушка, копия боярыни Морозовой, такое же волевое аскетическое лицо и пронзительный взгляд серых глаз, именно с таких характерных женщин, какие встречаются на берегах Енисея, Суриков писал свою картину.

– Хорошо – строго посмотрев на Алексея, кивнула девушка и положила на столик коричневую папку.

– Подумать только, сервировка, как в хорошем столичном ресторане – салфетки, мельхиоровые приборы, чистые бокалы, цветы, вот тебе и глухая провинция – удивился Алексей и, взяв в руки кожаную папку с меню, стал внимательно рассматривать его. К его ещё большему удивлению в меню значились не только салаты, борщи и гуляши, но и французские блюда.

– Так, для начала закажу-ка я жульен, луковый суп и мясо по-французски, а то совсем отвык от цивилизной кухни – подумал Алексей и не успел он поднять руку, как около столика уже стояла девушка с блокнотом и выжидательно, смотрела на него.

– У вас действительно всё есть, что написано в меню или так, для куража? – не поднимая глаз, спросил он.

– Да, у нас всё есть, все блюда, кроме дежурных, на заказ, вам сразу или подождете? – улыбнулась девушка.

– Тогда так, для начала кружку пива и сигареты, потом жульен, суп луковый и мясо по-французски, идёт?

– Вам какое пиво?

– А какое есть?

– Есть чешское, немецкое, клинское, жигули и ещё с десятков сортов.

– Тогда немецкое, Бавария у вас есть?

– И Бавария у нас есть.

– В таких пузатеньких бутылочках?

– Да, в таких пузатеньких бутылочках.

– Тогда несите две пузатеньких бутылочки Баварии и сигареты Парламент, надеюсь, мои любимые сигареты у вас есть?

– У нас, как в Греции, есть всё! – надменно ответила девушка и пошла в сторону барной стойке.

- Молода, красива и строптива – глядя в след девушке, подумал Алексей.
- Через несколько минут девушка принесла пиво и сигареты и поставила бутылки на стол.
- Вам, как налить или вы сами это сделаете, господин майор?
- Спасибо, я сам, видите ли, я привык всё делать сам, даже наливать пиво, но вы не беспокойтесь, пиво вкуснее из горла – с этими словами он взял бутылку и одним махом опорожнил её содержимое.
- Ну, вы даёте, господин майор – улыбнулась девушка – прямо, как мой отец, в армии все так пьют?
- Нет, только боевые офицеры – в ответ улыбнулся Алексей и помолчав, добавил – в боевой обстановке некогда рассусоливать.
- Значит, вы были в Чечне?
- Прямиком оттуда – закуривая сигарету, ответил Алексей.
- У вас тут дела или к родственникам?
- К другу, а жульен хорош!
- А кто ваш друг? Если не секрет, конечно. Наш городок небольшой, все знают друг друга.
- Мой друг Павел Одинцов.
- Паша Одинцов? Знаю, это мой сосед, но его сегодня нет дома, он в больнице.
- В какой больнице? – пробуя луковый суп, спросил Алексей
- У нас тут одна больница, она здесь, неподалёку, через два квартала.
- Если у нас есть общие знакомые, надо и нам познакомиться. Судя по бейджику, вы Аня, а я офицер Российской армии Алексей Быданов – вставая по стойке смирно, улыбнулся Алексей.
- А, я Аня Кушечева – улыбнулась девушка.
- Так и что же мне делать Аня Кушечева? Уже вечер в больничку не попадётся. Гостиница у вас есть?
- Есть и тоже неподалёку, в центре, на соседней улице.
- Отлично, переночую в гостинице и с утра в больничку.
- Не получится, она на ремонте.
- Кажется, я влип, и что же мне делать?
- Ничего, за домом есть скверик с одной скамейкой, там и переночуете, вам же не привыкать ночевать под открытым небом.
- Это уж точно, не привыкать, а я так надеялся на мягкую постель – вздохнул Алексей и внимательно посмотрев на девушку, встал – не хорошо получается, вы стоите, а я сижу, не красиво.
- Я на работе, мне положено стоять перед клиентом.
- Но, может быть, присядете, посетителей всё равно никого нет.
- Хорошо, присяду, с самого утра на ногах, у нас главный наплыв посетителей в обед, все местные чиновники обедают у нас.
- Тяжело вам?
- Нет, уже привыкла, а вы где служите, при штабе или в поле? Спросила Аня и указав на тарелку, добавила, – вы кушайте, кушайте, а то мясо остынет и будет не вкусным.
- В поле, а что? – принимаясь за второе блюдо, ответил Алексей.
- Да так, интересно, как там под обстрелом чувствует себя человек, страшно?
- Страшно, не боится только сумасшедший и самоубийца.
- А у вас были такие?
- К счастью, бог миловал, у меня все ребята, как на подбор, любому можно смело присваивать Героя России.
- Что же это за команда, где все герои? Можно узнать, если это не военная тайна?
- Не тайна, тем более я уже не командую отдельным разведывательным батальоном.

– Я так и подумала, что вы командуете чем-то таким, необычным, вы такой строгий, уверенный в себе и вообще не такой как все. У меня отец был полковником, командовал танковым полком. Он был таким же строгим и уверенным, как вы.

– Почему был, он что умер? – Нет, погиб в первую чеченскую войну, в танке заживо сгорел.

– Извините, примите мои соболезнования, там в этом пекле многие погибли, особенно в первые месяцы – лицо Алексея помрачнело, он вспомнил свою последнюю операцию, когда погибли от пуль снайпера трое его разведчиков.

– Хватит о грустном – улыбнулась девушка – что было то прошло, надо жить дальше и строго взглянув на Алексея, добавила – я, кажется, придумала, где вас устроить на ночь.

– И где же? – улыбнулся в ответ Алексей.

– У Павла, ключи от его дома у моей мамы, он всегда просит её присматривать за домом, когда ложится в больницу.

– А как же его жена Люся? Её, что нет дома?

– Ушла от него Люся, увидела какой он вернулся, собрала вещички и гуд бай.

– Ну и дела, не знал, а как же Павел?

– Паша не стал её удерживать, он гордый.

– Часто он ложится в больницу?

– Раз в полгода, у него что-то с сердцем, да и с ногой не все хорошо, воспаляется от протеза, но он со дня на день должен вернуться. Я скоро освобожусь и провожу вас. Хорошо?

– А удобно ли входить в чужой дом без хозяина?

– Но, вы его друг, значит не чужой.

– Пожалуй, что так – немного помедлив, ответил Алексей и подумал, что они не просто друзья, а братья по крови. Когда Павел, получив тяжелейшее ранение, истекая кровью, лежал в развалинах чеченского аула, только у Алексея оказалась редкая 4 группа крови. Один из его ребят, по совместительству медбрат, быстро сделал напрямую переливание, и это спасло Павла от неминуемой смерти.

– Алексей, вы доедайте свой ужин, а я пойду, сдам выручку и свободна – вставая из-за стола, сказала девушка.

– Простите, одну минуточку, сколько с меня за ужин по-французски?

– Всего на всего семьсот рублей.

– Сдачи не надо – протягивая тысячную купюру, сказал Алексей.

– Да вы что, я не возьму – протягивая сдачу, решительно заявила Аня.

– Нет, так не пойдет, спасибо за отличный ужин, а это в знак благодарности – с этими словами Алексей решительно засунул деньги девушке в карман.

– Хорошо, ждите меня, я скоро.

Минут через десять Аня, помахав от барной стойки рукой, направилась к выходу. Алексей поднялся и подхватив свой тощий рюкзак направился вслед за ней.

– Теперь куда прикажите, ваша светлость? – подходя к Ане и протягивая ей шоколадку, шутливо спросил Алексей.

– В наш родовой замок – в тон ему ответила Аня.

– Тогда вперед, на линию огня, кстати, если возможно, расскажите мне о своих ленных владениях.

– Если интересно, тогда слушайте. Когда-то, давным-давно, в конце 19 века голландцы построили здесь ткацкую фабрику, несколько жилых домов, начальную школу, клуб, набрали работников, обучили их ткацкому делу, и работа закипела. В их числе была и моя прабабушка, она оказалась не только хорошей, но и сообразительной работницей. Через три года её направили на учебу в Голландию, по возвращению её назначили сначала мастером, потом и начальником цеха. В самом конце 19 века она вышла замуж за моего прадеда и новую семью пересе-

лили из коммуналки в особняк для администрации фабрики, где мы проживаем до сих пор. Как видите, я местная аборигенка с глубокими корнями.

– Простите, Аня, но мне кажется, что вы не всё время тут жили, вы точно не из заско-
рузлых провинциалок.

– Алексей, вы очень любопытны, всё-то хотите знать, да мы с мамой живем здесь после смерти отца, не пропадать же наследству.

– А раньше? Если не секрет конечно.

– Секрет – улыбнулась Аня – вы лучше посмотрите по сторонам, это улица Первомай-
ская, вот огромные дома с метровой толщины стенами, построили голландцы, здесь в отдель-
ных квартирах проживал младший технический персонал фабрики. Там, дальше, видите кра-
сивый особняк, располагалась администрация, а ещё дальше больничка, правда за последние
пятьдесят лет обветшала, но ничего, народ лечат, а это главное.

– Внушительные дома, построены на века – оглядывая пятиэтажные здания из красного
кирпича, заметил Алексей.

– Да уж, за последние сто лет, так ничего более внушительного и не построили. Вон,
посмотрите, стоят блочные коробки и как только в них живут люди, летом жарко, зимой
холодно.

– Куда же деваться людям, когда всем на всё наплевать – подумал Алексей, а вслух ска-
зал – нашему народу не привыкать, главное была бы крыша над головой, а уж жар да холод
перетерпим.

В это время из-за угла вышел парень крепкого телосложения с тяжелой нижней челюстью
и маленькими свирепыми глазками на квадратном лице.

– Аня, а это что за перец? – с нескрываемой враждой, глядя на Алексея, спросил парень.

Увидев парня, Аня мгновенно вся подобралась и с нескрываемой неприязнью, взглянула
на него – а тебе какое дело? тебе чего надо, идешь своей дорогой и иди.

– Ощетинилась словно кошка, увидевшая пса – глядя на Аня, невольно подумал Алексей.

– И все-таки кто этот перец? – настаивал парень

– Друг Павла Одинцова, приехал навестить однополчанина.

– А, этого забулдыгу, понятно – кивнул парень.

– Не забулдыга, а Герой России – одернула парня Аня.

– Ну, ну, пьянь подзаборная, а не герой, поди опять в больничке. Правильно, дожрётся
до чертиков, пенсию пропьёт и сразу в больничку, жрать – то дома нечего, вот он на казённый
харч и переходит.

В глазах у Алексея потемнело, кровь ударила в виски и в следующее мгновение он, уда-
ром в челюсть отправил парня в нокаут – не люблю, когда о моих друзьях говорят гадости.

– Вы всегда такой горячий? – спросила Аня.

– Кто это? – когда они отошли от парня на несколько шагов, не отвечая на вопрос, спро-
сил Алексей.

– Да, так, Димка Большаков, местный бизнесмен, у него фирма по изготовлению желез-
ных дверей, мнит себя городским благодетелем, помогает престарелым и одиноким старикам.

– Значит Лёшка Большаков, бизнесмен, он твой друг?

– Какой ещё друг, так встречались несколько раз и всё.

– А мне показалось, что он ревнует тебя – усмехнулся Алексей.

– Пристал, как банный лист, каждый вечер одно и то же, поджидает у кафе, а сегодня
видно опоздал, надоел до чертиков – отмахнулась Аня.

Они молча прошли ещё метров триста, мимо серой панельной пятиэтажки и вышли
к частному сектору.

– А вот и наша Красногвардейская улица, видите второй дом справа, там я живу с мамой, а дальше дом Павла— указывая на внушительный из красного кирпича, со сводчатыми окнами дом, сказала Аня.

– Да, умели наши предки стоять – подходя к дому, заметил Алексей.

– Это всё голландцы, а наши построили домик Паши, скромный такой домик, но как говорить жить можно и ладно – откликнулась Аня.

Действительно, дом Павла больше походил на необжитый сарай – приземистый, с похожими на бойницы, маленькими окнами и покосившимся крыльцом, он напоминал старого и очень больного, доживающего свой человека, давно потерявшего веру на лучшую долю.

– Не богато, впрочем, я и не ожидал увидеть хоромы героя. Нет, сегодня герои не чести – мрачно подумал Алексей.

– Алексей, минутку подождите, я возьму ключи и открою дом Павла— направляясь к калитке своего дома, сказала Аня. Оставшись один, Алексей стал рассматривать соседние дома, кроме большого, не менее пяти комнат Аниного дома, чуть дальше стоял современный трехэтажный особняк. Напротив, особняка высился не менее престижный дом с витринными окнами, украшенный небольшими, в готическом стиле, башенками.

– Не плохо здесь живется потомкам красногвардейцев, интересно, откуда деньги на строительство таких хором в этом захолустье? – подумал Алексей.

– Разглядываете, хоромы местных богачей? – выходя из калитки, спросила Аня.

– Смотрю и удивляюсь, откуда в вашем городке такие богатые люди, способные построить такие шикарные дома – ответил Алексей.

– Не удивляйтесь, тот, что слева, дом местного бандита, промышляющего рэкетом. Напротив, трехэтажный дача областного прокурора, правда он здесь редко бывает, домом управляет его мать и её девятилетняя сестра. Дальше стоит депутатский домишко из девяти комнат, с бассейном и пристройкой для прислуги. Этот тоже бывает раз в месяц, но зато там постоянно обитают его помощники и телохранители, которые приезжают на отдых от трудов праведных. Кстати, участки на нашей улице по цене сравнимы с ценами на Рублевке, а всё потому, что мы живем практически в сосновом бору, видите какие кругом великолепные сосны. Павлу много раз за его дом, предлагали большие деньги, но он уперся и не в какую, не могу, мол, предать могилы своих предков. Вот так-то! А теперь идемте в скромную обитель героя, пора устраивать ваш быт – сказала Аня.

– Райское место для бандюгана, что живет рядом с прокурором и как, уживаются? – идя вслед за Аней, спросил Алексей.

– Официально он не бандит, он владелец частного охранного бюро, но все знают о его другой деятельности – усмехнулась Аня и добавила – народец у нас тут глазастый, всё знает, от него ничего не укроется. Но, как говорится, не пойман не вор.

С этими словами она открыла входную дверь, и они вошли в дом. На кухне и двух комнатах, куда они вошли было чисто и даже уютно, явно чувствовалась заботливая женская рука.

– Там, Пашина спальня, а вы устройтесь здесь, на диване, в комодке есть постельное бельё, надеюсь, справитесь, всё, располагайтесь, а я пошла, мама ждёт. Спокойной ночи – направляясь к двери, сказала Аня и вышла во двор.

– Спасибо за приют и вам спокойной ночи – крикнул вслед Анне, Алексей и сев на диван, задумался. У него не выходило из головы сообщение Анны о том, что Павла в его тяжелейшие минуты жизни покинула жена. Он достал из кармана пачку сигарет и закурил. – Стерва, такая же стерва, как и моя бывшая, все они такие, им подавай уют, сытую жизнь и стабильность, а если нужно терпеть, ждать это не для них – раздраженно подумал Алексей.

– Чего, к примеру, не хватало моей – продолжал рассуждать Алексей – ну постоянные командировки, переезды, служебные квартиры, но он же любил её, а это главное в жизни. Нет, её подавай налаженный быт, свою большую квартиру и непременно в столицах, где она

могла бы вести светскую жизнь, а попросту, раз другой в год сходить в театр или на выставку каких – ни будь современных авангардистов и всё. Так и получилось, год назад, когда он в очередной раз уехал на северный Кавказ, его Лариска собрала вещички и укатила в Москву, как оказалось потом, к её давнему поклоннику, бизнесмену и удачливому дельцу Сергею Волкову. Этот столичный делец познакомился с его Лариска ещё тогда, когда он учился в академии имени Фрунзе, и они жили на съёмной квартире в Чистом переулке Москвы. Потом выяснилось, что все последующие пять лет они тайно поддерживали связь, и если Лариска бывала в Москве, то они вместе проводили не только вечера, но и ночи.

– А что тут такого, ну спала с Серегой, так тебя же месяцами не бывало дома, а мне, что надо было засохнуть? – заявила Лариска на бракоразводном процессе. По настоянию Сергея они разводились в Москве, куда Алексей прибыл в командировку по своим армейским делам. По обоюдному согласию и за отсутствием детей развели их сразу, буквально в считанные минуты. Вышли они из загса вместе, Лариску ждал Мерседес, на котором она и укатила в свою новую шикарную жизнь. Алексей долго стоял на тротуаре, прохожие толкали его, но он не чувствовал это и тупо размышлял о своей новой жизни с её пустотой и одиночеством. Их брак продлился пять лет, поженились они, когда он ещё учился на четвертом курсе высшего военного училища, и казалось, оба были счастливы, но оказалось все не так, счастлив был только он.

– Банальная история – размышлял Алексей – Лариска права, женщине, как кошке, нужны тепло и уют, она всё это получила. Он же ничего этого дать не мог, постоянные переезды из города в город, командировки, всё это фактически за долго до развода разлучило их. С тех пор прошел год, но обида и злость на Лариску не проходила, его оскорблённая душа требовала отмщения. Иногда в самые тяжелые минуты, он, как мальчишка, даже собирался основательно побить соперника, даже изувечить его, но потом, посмеиваясь над собой, отмахивался от этой идеи. Постепенно боль оскорбленной души пошла на убыль, бывая любовь угасла и теперь всё произошедшее с ним и Лариской, казалось вполне естественным концом их совместной жизни.

– Всё прошло, как с белых яблонь дым – вспомнив Есенинские строки, подумал Алексей и стал укладываться спать.

Спал Алексей беспокойно, всю ночь ему снились какие-то кошмары, неясные тени, угрожающе надвигаясь, пытались утащить его куда-то в черную пустоту. Он отбивался, бежал, они настигали его, он снова отбивался и так всю ночь. Проснулся он весь в поту, голова плохо соображала, от непривычной постели всё тело болезненно ныло и требовало отдыха.

– Шесть утра, внутренний будильник не даст проспать – взглянув на часы, подумал Алексей и поднялся с дивана.

Пройдя на кухню, он отыскал свой вещмешок, открыл его и достал банку с чаем и плитку шоколада Алёнка. Затем, наполнив чайник водой из ведра, поставил его на газовую плиту. Пока чайник закипал, он отыскал в шкафу заварной чайничек, высыпав в него пригоршню заварки, залил её кипятком.

– Люблю чай по – купечески, бодрит и на вкус приятен. Чай по утрам, интересно, как люди жили без него? Ах, да, заваривали разные травы, говорят очень полезно. Полезно, может быть, но не то, чай есть чай и его ни с чем не сравнишь, даже с кофе, впрочем, это на любителя – наливая в стакан янтарную жидкость, размышлял Алексей.

Глава 5

Ровно в девять часов Алексей вышел на улицу и направился искать местный рынок, который оказался всего в трёхстах метрах от дома. Набрал овощей и фруктов и не дожидаясь приемных часов, он направился в больницу в надежде, что какая – ни будь сердобольная душа, позовет Павла. Войдя в пустой приемный покой, Алексей огляделся – внутри больничка про-

изводила ещё большее удручающее впечатление, чем с наружи – потолок в желтых разводах, обшарпанные стены и давно не крашенные полы, всё говорило о страшном запустении и беспросветной бедности местного здравоохранения. Заглянув в пустой коридор Алексей двинулся дальше пока не наткнулся на вышедшую из палаты медсестру.

– Вы, что здесь делаете? У нас карантин, все посещения запрещены – накинулась женщина на Алексея.

– Милая девушка войдите в моё положение, я проездом, заскочил навесить боевого товарища – прижимая руки к груди, взмолился Алексей.

– Ладно уж, еже ли проездом, сейчас позову, вам кого? – согласилась женщина.

– Я к Павлу Одинцову.

– Хорошо, идите в приемный покой и ждите.

Алексей вернулся назад и усевшись на деревянную скамью, стал ждать. Через несколько минут дверь открылась, и в комнату вошел его боевой товарищ, бывший командир первой роты, капитан Одинцов, герой России. Красавиц, выше среднего роста, светловолосый, голубоглазый славянин похожий на былинного богатыря.

– И такого красавца бросила жена – глядя на Павла, невольно подумал Алексей.

– Командир, спасибо, за то, что откликнулся на призыв друга – обнимая Алексея, возбуждённо закричал Павел – вот так радость, спасибо, спасибо, что не забываешь боевых товарищей. Идём, командир, я свободен, сестричка сказала, что меня ждёт какой-то военный, я сразу подумал о тебе и впрямь это ты. Ну, командир, спасибо тебе, как же я рад видеть тебя, нет, ты даже представить не можешь, как я рад!

– Ты, что заладил – командир, да командир, я не к подчинённому, а к другу приехал, и, если ты свободен, идём к тебе домой, там и поговорим.

– Хорошо, хорошо, Лёша, прости, это я так, по привычке, а теперь уходим, а то, как бы заведующая отделением не вошла, бабенка она строгая, раскритичится, не остановишь.

– Кстати, я остановился у тебя, меня туда вселила твоя соседка Аня, это ничего, что без хозяина ворвался в твой дом?

– Ну, ты даёшь, это даже очень хорошо, что Аня привела тебя ко мне, славная она девушка и как же ты познакомился?

– В кафе, зашёл перекусить, разговорились, так и попал – закуривая, ответил Алексей и поглядев на сильно хромавшего Павла, подумал о том, что надо срочно заказать ему импортный протез.

Минут через двадцать они вошли в дом и соорудив нехитрую закуску уселись на кухне за стол. Алексей, достав из вещмешка бутылку коньяка, наполнил рюмки – давай, Паша, выпьем за тех, кого из наших товарищей нет с нами, за тех, кто отдал свои жизни на этой проклятой войне. Они поднялись и стоя выпили коньяк.

– А теперь Паша, расскажи мне, как ты живешь, расскажи всё как есть, без прикрас – наливая по второй, сказал Алексей.

– Давай сначала выпьем за нас с тобой, за мужскую дружбу, а уж потом и поговорим – ответил Павел и опрокинув в рот содержимое рюмки, продолжал – хочешь знать, как живет одинокий инвалид? Скажу – не живет, а влачит полунищенское существование и этим всё сказано.

– Сильно сказано – улыбнулся Алексей, но глядя на тебя, так не подумаешь – крыша над головой есть, в доме чисто и даже уютно, здоровьем тебя Бог тоже не обидел, крепок, как вековой дуб, а что ещё надо человеку, так что не всё так плохо, Паша. Одиночество? Так это дело поправимое, наверняка, где – то ходит твоя девушка, подожди и она найдет тебя.

– Оптимист ты, Лёша, только я после того, как меня бросила жена, не очень доверяю женщинам. Все они суки и стервы!

– Меня тоже бросила, ну и что теперь застрелиться? Так, что всё прекрасно, будет и на нашей улице праздник.

– Твои слова, да Богу в уши – улыбнулся Павел.

– И потом, если все женщины суки и стервы, то все мужики мерзавцы и скоты, но ты же не такой, ты очень хороший, геройский парень. Помнишь, как мы втроем отбивались от двадцати бородатых бандюков, серьёзные были ребята, но мы выстояли, а всё благодаря тебе, твоей смекалке. Это же надо было додуматься – стрелять прицельно одновременно из четырех автоматов. Помнишь, как ты в Хасавьюрте захватил матерого бандита, главаря бандформирования, пошёл один на верную смерть, а вернулся героем.

– Помню, такое не забудешь, за это мне дали героя, но, если бы не ты, могли бы и не дать, а ты настоял, спасибо – сказал Павел, и пожал руку Алексея.

– Брось, что заслужил, то и получил – отмахнулся Алексей.

– Всё, хватит обо мне, расскажи о себе, я слышал у тебя проблемы?

– Проблемы, не то слово, военная прокуратура собирается завести на меня уголовное дело за то, что якобы я убил невинное дитя. За рубежом подняли шумиху, мол, русские совсем распоясались в Чечне, насилуют женщин и убивают малолетних мальчиков. Чечены подхватили это и требуют наказать виновных, то есть меня, у них, видите ли, есть неопровержимые доказательства, что именно я застрелил подростка. Только этот подросток из снайперской винтовки положил троих моих ребят, а когда мы его захватили он начал поносить нас так, что мои нервы не выдержали и я вlepил ему пулю промеж глаз. На войне нет мальчиков и девочек, есть враг, который стреляет в тебя и тут либо ты, либо тебя. Такова логика войны. Прокуратура разбирается, а пока меня отправили в бессрочный отпуск. Теперь жду чем всё дело кончится, возможно тюрьмой, вот такие, брат, дела. А пока суть да дело решил навестить тебя, узнать, как ты в политику влип – грустно улыбнулся Алексей – давай, рассказывай.

– Всё очень просто, месяц назад ко мне приехал представитель областного бюро партии «Народ и воля» и предложил создать городское отделение этой партии. Я почитал документы и согласился, а что, делать мне все равно нечего, работы в нашем городке нет, вот займусь народной волей – улыбнулся Павел.

– Ну и как, получается?

– Получается, завербовал несколько бывших одноклассников, те ещё привели пять человек, так, что теперь у нас полнокровная партийная ячейка.

– Тогда что же тебя тревожит? – в упор спросил Алексей.

– Понимаешь, как только я начал свою агитацию за мной была установлена слежка.

– А ты ничего не путаешь? Сейчас вроде бы любому гражданину разрешено создавать свою партию – покачал головой Алексей.

– Трудно спутать, когда у тебя на хвосте сидит наглый мужичек – отмахнулся Павел – ладно бы, пусть следят, мне это до фонаря, но неделю назад, после очередного собрания ячейки ко мне подошли трое и на полном серьёзе предложили распустить ячейку, а самому убраться из города. Вот такие, брат, дела.

– Ну, это мы ещё посмотрим, кому убраться, а кому оставаться в этом городе – нахмурился Алексей.

Он хотел что-то ещё сказать, но в это время раздался стук в дверь и, в комнату вошла Аня и с ней незнакомая девушка.

– Мы с Дашей на минутку, я видела, как вы вернулись домой и, зашли спросить, может нужно, что, может лекарства какие или ещё чего? Даша медсестра, может помочь. Видим у вас всё хорошо, мы пойдем – с этими словами, Аня открыла дверь.

– Аня, Даша, уходить, когда ко мне приехал друг, это не есть хорошо. Прошу к столу, у меня по этому поводу есть бутылочка Цинандали, очень хорошее грузинское вино, как раз для девушек.

– Нет, нет и нет, никакого вина, мы торопимся – с этими словами девушки выскользнули из дома и побежали к калитке.

– А Даша до чего же хороша, настоящая русская красавица с примесью монгольской крови, заметил какие у неё миндалевидные глаза? А ещё она, заметь, медсестра – хитро посматривая на Павла, заметил Алексей.

– Хороша Даша, да не наша – усмехнулся Павел.

– А как она смотрела на тебя, глаз не сводила.

– Наверняка Аня ей наговорила с три короба, представила меня былинным богатырем, вот она, по простоте душевной и, глазела на живого Илью Муромца.

– Ты бы узнал, как найти Дашу и, как бы невзначай, наведывался бы к ней, такое знакомство не помешает – будто не слыша друга, продолжал Алексей.

– А ты подумал, как это я буду навязывать ей себя, мне такая перспектива не в кайф – отнекивался Павел.

– Зачем навязываться, надо это сделать, как бы невзначай, ты на себя посмотри, да мы с тобой женихи, что надо, молоды, хороши собой, так, что не всё потерянно – усмехнулся Алексей.

– Из тебя сват, как из дерьма конфетка и брось мне пудрить мозги – нахмурился Павел.

– Всё, всё, молчу, у тебя, кажется, есть банька?

– Ну, а как же без неё, конечно, есть – кивнул Павел.

– Давай истопим её, попариться и чистенькими, свеженькими пойти и продолжить нашу встречу в кафе «Маленький Париж». Там наверняка, нас ждёт, какой – ни будь сюрприз, например, французская кухня, ну как, а? – предложил Алексей.

– Замётано, иду топить баньку.

– Я с тобой, последний раз топил баню десять лет назад, в деревне у деда, но ещё помню, как это делается.

– Прекрасно, бери ведро и таскай воду в бак – согласился Павел.

Пока Павел растапливал печку, Алексей позвонил своему приятелю в Москву и попросил найти и прислать ему с нарочным импортный протез для Павла.

Получив согласие, Алексей удовлетворенно потер руки и вернулся в баню.

Глава 6

В один из осенних дней Лев Моисеевич срочно вызвал своего помощника Николая Мохова и поручил ему взять билеты на ближайший поезд до Нижнегорска. Позвонив по телефону Николай заказал два билета СВ на вечерний поезд и ушел домой собирать вещи. Ровно в девять, за полчаса до отхода поезда, они встретились на перроне в сопровождении двух заместителей по партии, которым Лев Моисеевич дал последние указания и попрощавшись, прошёл в вагон. Следом за ним Николай внес два объемистых баула и дипломат с документами. Лев Моисеевич взял в руки дипломат, раскрыл его и вместо документов вытащил бутылку армянского коньяка, баночку черной икры, палку копченой колбасы, коробку шоколадных конфет и две оригинальные позолоченные стопки. Разложив всё это на столе, он наполнил стопки коньяком и одну из них протянул Николаю.

– Давай, Коля, выпьем за успех предстоящего нелегкого дела – помолчав, добавил – а то что оно будет очень трудным я уверен, надеюсь на тебя и твою помощь.

Они выпили одну, вторую, третью и Лев Моисеевич разговорился.

– Сегодня утром я встречался с одним очень важным, приближённым к президенту, лицом, которое сделало мне предложение, от которого я не мог отказаться. Мотивируя нестабильностью в стране и необходимостью укрепления вертикали власти на местах, этот чиновник предложил президенту отменить выборность губернаторов и ввести прямое назначение глав регионов. Президент колебался, и чтобы окончательно убедить его в необходимости назначе-

ний предложил мне провести в одном из регионов что-то наподобие переворота или, по крайней мере, так потрясти основы, чтобы всем стала очевидная необходимость отмены выборов. Почему в таком деликатном деле выбор пал на меня? Всё очень просто – мы с этим человеком в молодые годы диссидентствовали.

Лев Моисеевич замолчал, и строго глядя в глаза Николая, веско сказал – надеюсь, ты понимаешь, что это не просто государственная тайна, на кон поставлены наши головы, так что даже под пытками ты должен молчать. И помни – этот человек входит в первую пятерку самых влиятельных людей в стране, и ещё помни – у него очень длинные руки.

В это время в дверь купе постучали и на пороге появилась молодая девушка, одетая в тёмно синей униформе и белую блузку, которая эффектно оттеняла загар на её красивом лице.

– Господа, не угодно ли чаю? – сердечно улыбаясь, спросила она.

– Очень даже угодно и покрепче, пожалуйста – в тон ей, ответил Лев Моисеевич и дождавшись ухода девушки – мечтательно добавил – до чего же сексапильна, стерва.

Через несколько минут девушка внесла поднос, и поставив на столик крепко заваренный чай и вышла в коридор.

– Одну минуточку, можно вас на два слова – вслед за ней выскочил Лев Моисеевич.

Минут через десять, Лев Моисеевич вернулся и, загадочно посмотрев на Николая, сказал – Коля, вот тебе деньги, сходи в вагон – ресторан, поужинай, развейся, наконец. Жду тебя через час.

Вернувшись в купе, Николай застал Льва Моисеевича в постели, глаза его лихорадочно блестели, на губах играла томная улыбка довольного жизнью человека.

– Жизнь полна приятных неожиданностей – в ответ на вопросительный взгляд Николая, сказал он и отвернулся к стенке.

На перроне в Нижнегорске, их встретил мужчина, лет пятидесяти, среднего роста, с роскошной шевелюрой на голове и тонкими чертами лица. Это был руководитель местного отделения партии «Народ и воля».

– Векслер Леонид Иванович – представился он.

– Лёня с чего это ты представляешься нам? – удивленно воскликнул Лев Моисеевич.

– А, так, по привычке, вдруг забыли меня – махнул рукой Векслер.

– Как же, забудешь тебя, ты у нас один из лучших, вдобавок член политсовета.

Тем временем Николай, чтобы не мешать их разговору, направился к зданию вокзала, но Лев Моисеевич тут же остановил его – ты со мной, ты везде будешь со мной – прошептал он ему на ухо. И тут же представил Николая Векслеру – мой помощник, Николай Мохов, прошу любить и жаловать. На привокзальной площади Николай вдруг заметил несколько милицеских машин и автобус с затемненными окнами. – Неужели ОМОН, вот так встреча – подумал он и, коснувшись руки Льва Моисеевича, глазами показал на милицеских.

– Они думали, что на вокзале я им устрою митинг, – приосанившись и вздернув подбородок, рассмеялся он.

Однако оба они ошибались, из здания вокзала вышла довольно большая, возбуждённая толпа с транспарантами, на которых было написано «Боря, добро пожаловать в наш прекрасный город». – Так вот кого встречает наша славная милиция! – с облегчением подумал Николай. И тут с противоположного конца площади донеслось – Боря гомосек, Боря гомосек, гомосеки вон из нашего города – скандировало несколько молодых, одетых в черную униформу, парней. Угрожая палками, они быстро пошли в сторону встречающих и тут из автобуса выскочили омовцы со щитами и дубинками, встали в шеренгу они двинулись в сторону чернорубашечников. Чем закончилась встреча на вокзале, они так и не узнали, так как быстро сели в машину и покатали в город.

Минут через десять они въехали во двор особняка, поднялись на второй этаж, где в просторном зале, на большом столе были расставлены несколько бутылок с вином и тарелки с закусками.

– Прошу к столу, как говорится, чем богаты, тем и рады. Каждый ухаживает сам за собой – разводя руками, сказал Векслер, и, взяв бутылку Бордо, налил себе в стакан вина. Вслед за ним потянулись и мы. – Прекрасное вино – отпив глоток, заметил Лев Моисеевич – прямо из Франции или через Москву?

– У нас тут один бизнесмен, кстати, наш спонсор, наладил прямые поставки из Франции не только вина, но и сыров, колбас и других продуктов, вплоть до картофеля – улыбнулся Векслер.

– Но картофель-то зачем? – удивился Лев Моисеевич.

– Как зачем, ясно дело, для куража. У него фирменный магазин, обслуживается народец состоятельный, денег не жалеющий, тут главное качество.

– И что же картошка у нас хуже, чем во Франции? – спросил Николай.

– Да не хуже, дело в престиже, мол, я вам не какое-то чмо, могу позволить себе даже лягушку в кляре. – хохотнул Векслер.

Вообще Векслер был в хорошем настроении, то и дело поднимал бокал, говорил дежурные тосты и предлагал выпить. Пили много и с удовольствием, наконец, Лев Моисеевич отставил бокал и, вытерев салфеткой рот, спросил – скажите, уважаемый Леонид Иванович, вы на нашем первом, так сказать организационном съезде, выступали за принятия радикальных мер по отношению к существующей власти, вы по-прежнему стоите на этих позициях?

– Безусловно, я своих взглядов не меняю и чем больше смотрю на весь этот хаос, тем всё более убеждаюсь в необходимости её свержения. – весь подобрившись, точно боксёр готовый к бою, заявил **Векслер**.

– Скажите, Леонид Иванович, а каковы настроения, так сказать, народных масс?

– Это кого надо понимать под народными массами – пенсионеров? Так им стали через раз выплачивать пенсии они и притихли. Рабочий класс? Так эти рыскают в поисках заработка и молчат. Средний класс, как у нас теперь говорят, еще не сформировался, ну а те, что имеют своё маленькое дело, ворчат и не более. Одним словом, болото. – пожал плечами Векслер.

– Наш народ известен, так сказать, своей терпеливостью, но если его раскачать, дать ему направление, поставить цель, то он, подобно рассерженному медведю, начнёт всё ломать и крушить, лишь бы добраться до пчелиного улья. – раздумчиво сказал Лев Моисеевич.

– В провинции всегда тихо, Пугачевы ещё не родились, бунтовать некому, а вот Москва другое дело, там бурлит передовая мысль, а за ней недалеко и до радикальных действий. – вздохнул Векслер.

– Тут вы, Леонид Иванович, правы. Настроение в Москве самое боевое, штормит, сами по телевизору всё видите – шахтёры стучат касками по мостовой, пенсионеры перекрывают автострады, народ голодает и в любое время может сорваться и понести, как в 17-м. Но, если сейчас не протянуть народу руку, не поддержать, всё может заглохнуть.

– Так вот за чем вы приехали, а я всё гадаю, что нашему уважаемому Льву Моисеевичу понадобилось в нашей глуши, не на рыбалку же он собрался. – оживился Векслер – и как же вы думаете растормошить наших чухонцев?

– Дорогой Леонид Иванович, мы вместе с вами должны подумать и разработать план, как, какими методами и средствами, изменить, так сказать, существующие настроения в нашу пользу. – усмехнулся Лев Моисеевич.

– Разработать план, привлечь необходимых людей, дело не хитрое, но, чтобы план сработал, нужны большие деньги, а их, то, как раз и нету – развел руками Векслер.

– Деньги будут – сказал, как отрезал Лев Моисеевич – нужны люди, знающие обстановку, а главное владеющие, так сказать, нужной информацией, и готовых продать её. А уж наше

дело умело воспользоваться полученной информацией, использовать её в нужном направлении. Кроме того, нужна своя газета, которая бы публиковала нужный нам материал.

– Если деньги есть, есть и газета – воодушевился Векслер – «Глас народа» подойдет?

– Самое, самое то, именно глас народа, а глас народа – глас божий. – одушевился Лев Моисеевич – и что же она действительно существует?

– Влачит газетка жалкое существование, но жива – усмехнулся Векслер – есть у нас тут один упёртый, Жора Захаров, на свои деньги содержит, иногда мы ему помогаем, перед выборами делаем заказы. Правда, выходит она не регулярно и малым тиражом, но это поправимо, были бы деньги, а там...

– Николай, надо как можно скорее встретиться с этим Жорой и обо всём договориться, понял? Итак, на каком тираже мы остановимся? – повернулся Лев Моисеевич к Векслеру.

– Думаю, тысяч пять нам хватит, для начала.

– Для начала тысяч десять, а потом посмотрим, если надо отпечатаем и миллион.

– Леонид Иванович – обратился Николай к Векслеру – как мне найти этого Жору?

– Сейчас – он достал свой телефон и продиктовал номер Жоры. – Звоните прямо сейчас, скажите, что от меня и договаривайтесь о встрече.

– Простите, где нам лучше всего встретиться?

– Как где? Да прямо здесь, теперь этот дом ваша штаб – квартира, третий этаж в вашем полном распоряжении. Там будите жить, там и работать.

Николай тут же набрал номер телефона и договорился о встрече с Жорой на семь часов вечера. Как не странно Жора не согласился прийти к Векслеру, а назначил встречу в кафе «Жемчужина».

– Газета, газетой, но нам нужен надежный, хорошо информированный источник – сказал Льва Моисеевича – лучше всего заинтересованный источник, такой который бы интересовался не только деньгами.

– Есть такой источник, это прокурор, он давно и безнадежно точит зуб на губернатора. Но, предупреждаю, человек он крайне осторожный, к нему просто так не подойдешь и не спросишь. – сказал Векслер – правда есть один человечек, мой одноклассник, брат жены прокурора и пользуется его доверием. Попробуем через него.

– Прокурор, это хорошо, для начала, но нужен такой человек, который бы знал всю подноготную губернатора, такой есть?

– Нужно искать – развел руками Векслер.

– Николай, срочно займись этим делом, ищи и найди – приказал Лев Моисеевич.

Перед тем как идти на встречу с Жорой, Николай просмотрел несколько номеров газеты «Глас Народа» любезно предоставленных Векслером. Маленький, но едкий листок знакомил читателей с безбедной жизнью местных чиновников, воровством бюджетных денег, обманом дольщиков и бандитскими разборками. Направление и тематика газеты вполне устраивает и потому будет очень полезной в дальнейшем – подумал Николай – интересно, кто же это такой неугомонный Жора и кем на самом деле является. А потому не мешкая, в семь часов вечера он был в кафе «Жемчужина» и сидел, как условились, в дальнем углу за столиком на двоих. Прошло минут тридцать, Жора всё не приходил, и Николай уже начал подумывать, что напрасно ждёт, как к столику подошел мужичек, среднего роста, в серой куртке, с лысиной во всю голову, обрамлённую буйной растительностью. Не спрашивая разрешения, сел и нагло уставился Николаю в глаза. – Так вы, значит, от Векслера? И как поживает этот анархист?

– А вы, Жора?

– Да, я, Жора – так как же поживает этот демагог?

– Но почему анархист и демагог? – уставился Николай на Жору.

– Да потому, что все в городе знают, что Векслер спит и видит хаос в нашем городе и всем говорит, что хаос есть начало революции. Я, конечно, не против революции, но бескровной, а Векслер требует искупительных жертв.

– То есть, что это за искупительные жертвы?

– А то и жертвы, он считает, что пока мы не перебьем всех фанатичных коммуняков, мира в стране не будет. Он считает, что они слишком много натворили бед и за это должны ответить. А то, что они перекрасились и не призывают к открытой классовой борьбе, так это временно. На смену соглашателям, которые сейчас возглавляют КПРФ, придут фанатики и тогда все, держитесь.

– Жора, давайте оставим в стороне Векслера и перейдем к делу?

– К делу, так к делу. А что за дело?

– Дело в том, что нам нужна ваша газета, мы предлагаем увеличить её тираж, сделать её еще более актуальной и востребованной.

– Простите, кто это мы?

– Мы, партия «Народ и воля».

– И что же вы хотите?

– Мы финансируем, а вы печатаете те материалы, которые мы вам заказываем.

– Всё правильно, кто платит, тот и заказывает музыку и каков же будет тираж?

– Для начала десять тысяч экземпляров.

– Вы это серьезно?

– Куда, как серьезно, так вы согласны?

– Согласен ли я? Конечно, согласен, давно мечтал о спонсорах и вот они здесь. Сделаем так, вы переводите деньги на мой счет, я арендую помещение, принимаю на работу одного очень бойкого журналисту, распространителей, составляю смету расходов, договор и вперед. Согласны?

– Согласен, жду смету, договор не нужен, мы вам доверяем, да и незачем всем знать, кто заказывает музыку. И ещё, я уверен, вы знаете всех и всё. Нам, за отдельную плату, нужен человек, который бы покопался в грязном белье некоторых здешних политиков.

– Хорошо, если за отдельную плату, найду вам такого человечка. – кивнул головой Жора и поднялся – Жду перевод денег и сразу приступаю к работе. А теперь привет, я ушёл.

Позже Николай узнал, что Георгий Захаров, или, как все его звали Жора, не просто журналист, но своего рода местный Шерлок Холмс, умеет раскопать такое, что и профессионалам не под силу.

Три года назад Жора начал информационную войну против мэра города, откопал не только нарушения бюджетных статей, но и тайный бордель для своих особо приближённых и московских гостей. Всё это Жора опубликовал в своей газетенке, а в Интернете поместил видео, как мэр балдеет в бане с голыми девицами. Скандал разразился страшный, жена мэра подала на развод, городская дума выразила недоверие и свергла его. Через неделю на Жору было совершено покушение, в него стреляли несколько раз, но он чудом избежал смерти. И, как водится, ни заказчика, ни исполнителя, конечно, не нашли, да и не искали. Кроме того, его многократно били, несколько раз с переломами ребер лежал в больнице, жена, не выдержав такой жизни, бросила его и куда-то уехала. Казалось бы, всё, пора успокоиться, но этот Жора настолько упертый, что, не смотря на смертельную угрозу и житейские неурядицы, дело своё не бросил.

Глава 7

Николай вернулся в теремок, поднялся на третий этаж, холл был пуст, комната Льва Моисеевича тоже. Он прошел в свою комнату, и упав в кресло, задумался – безусловно, в своих

попытках растормошить плутократов, заставить их испугаться за своё положение, дать им понять, что они уязвимы Лев Моисеевич прав, но одно его смущало – не слишком ли они горячатся и, если все их планы удастся осуществить не приведет ли это к большому хаосу, в котором пострадает много людей. Революции хороши, когда они бескровны. От этих мрачных мыслей его отвлекли доносившиеся из холла голоса. Прислушавшись, Николай понял, это Лев Моисеевич разговаривал с какой-то женщиной. Но уже через минуту так же понял, что в холе находилась бывшая любовница и мать сына Льва Моисеевича, Марина. И потому он стал внимательно прислушиваться к их разговору.

– Ох и мерзавец же ты, Лёвушка, тридцать лет ни слуху, ни духу, а ведь знал, что у тебя растёт сын, знал, скажи, знал?

– Мариночка, прости, знаю, что я мерзавец, и ничего не мог поделать, да если бы я приехал и увиделся с тобой, то навлек бы на тебя беду.

– Ой, навлек бы на меня беду, ох умора, это надо же, беду! Лева, да ты сам ходячая беда.

– Марина, пойми, за мной постоянно следило КГБ, меня даже в психушку хотели упрятать.

– Ох, Лева, Левушка, все в политику играешь? Не наигрался за 30 лет? При коммунистах был в оппозиции и теперь опять? Почему? Говорят, ты самому президенту ручку пожимал и вдруг оппозиция? Почему?

– Э, так сказать, во взглядах разошлись. Понимаешь он хочет, как и коммуняки, всем заткнуть рот, всем кому не нравится его политика, а тем временем его прихлебатели беззастенчиво разворовывают национальные богатства.

– Брось, Лева, радеть хренов, думаешь, я в нашей глуши не знаю, что и ты к этим богатствам приложил руку, да видно кому-то показалось, что слишком ты много хапнул и не поделился, а этого не любят, вот и выкинули тебя за борт. Но ты же не можешь этого простить, ты им решил мстить, вот и вся твоя политика. Скажи так? Та-ак!

– Марина, ну какая месть, очнись, этим плутократам и ворах моя месть, что собаке блохи – кусают, но не мешают жить. Лучше расскажи, как ты жила все эти годы?

– Как я жила? А жила ли я? – воскликнула Марина, и немного помолчав, продолжила – Как сейчас помню, приехала домой, открываю дверь, вхожу, а там пьяный в лоскуты отец, родную дочь встречает. Вместо объятий и поцелуев, его первыми словами были – нагулялась, ишь какое брюхо, таскать не тяжело? Только знай кормить тебя и твоего выродка я не собираюсь, поняла? Да и вообще тесно у нас, думал – вот уехала дочка, найдет себе в столицах мужа, и мы с матерью заживём в своё удовольствие, ан нет, явилась, да еще с пузом.

Хорошо хоть мать вмещалась, утатила пьянь в комнату, а меня проводила на кухню – ты, говорит, не слушай отца, он в последнее время совсем сбесился, пьёт, часто дома не ночует, думаю, завёл шлюху вот и на меня стал с кулаками стал бросаться. Думаю, дело идет к разводу и откровенно говоря, надоели мне его выкрутасы, если нашёл подстать себе подругу пусть уходит, плакать не буду. Боюсь только, как бы не потребовал квартиру разменять, с него станет. Ой, что это я всё о нехорошем, ты то как? От жениха или мужа забеременела? Ну я конечно всё ей рассказала, как водится, поплакали и решили, что некоторое время я поживу у её подруги.

Некоторое время Марина молчала, а затем всхлипнув, продолжила – Вот так, Левушка, пока ты катался, как сыр в масле, богатенькую женушку обувал, я скиталась по чужим углам и готовилась к родам. Сын родился через два месяца после моего приезда домой, большой, крепкий, аж 5 кило, богатырь и назвала я его Владимиром, в честь Высоцкого.

– Бог, ты мой, как же ты рожала такого гиганта? – воскликнул Лев Моисеевич.

– Как, как с криком и воем, знаешь, как волчицы воют? Так и мы, бабы, когда прижмет, превращаемся в волчиц – воскликнула Марина – сначала хотели делать кесарево, но я им заявила, рожу, сама рожу! И родила, с разрывами, но родила, вот так! А пока я лежала в роддоме, мой папаня развелся с матерью, разменял квартиру и стал сожительствовать с молодой

алкоголичкой. Тогда я думала, что отец впал в старческий маразм, и только потом поняла, что к пятидесяти годам многих мужиков тянет на новые впечатления и молодое тело. Тебя, поди, тоже?

– Нет, Мариночка, нет, я отдаю себе отчет, что всему своё время и жить надо так, как тебе предназначено судьбой.

– Хочешь сказать, что твоя Бася это твоя судьба? Да я убеждена, что ты никогда, слышишь, никогда её не любил, а женился по расчёту.

– По расчету или нет, а живем мы с Басей 30 лет и разводиться не собираемся.

– Ой, ой, не зарекайся, в этом мире ничто не вечно и даже крепкие семьи всегда под угрозой распада, всё зависит от случая, от роковых обстоятельств и силы характера супругов. Ну ладно, хватит об этом, лучше я тебе расскажу о сыне, каким он был в детстве и как мы с ним жили. А жили мы даже очень дружно, настолько, что без меня он не хотел оставаться даже на минуту – я готовлю обед он со мной, я иду в магазин он со мной, если он играет, я должна играть вместе с ним. В три года он научился плавать и с годами стал одним из лучших пловцов нашей области. Кстати, он до сих пор не бросает плавание, иногда выступает на соревнованиях. Но это было потом, а когда ему исполнилось пять лет случилось несчастье, мы с ним попали в автомобильную аварию. Я отделалась довольно легко, а вот Вовка получил тяжелейшую травму – разрыв внутренних органов и повреждение позвоночника. Когда нас привезли в больницу, врач, осмотрев сына, покачал головой и сказал – на позвоночнике потребуются очень сложная операция, боюсь мы сами не справимся, нужно вызывать специалистов из Москвы. А пока мы займемся внутренними органами, надо срочно останавливать кровотечение. Я подождала конца операции, все прошло хорошо, но нижняя часть тела оказалась парализованной. Надо сказать, люди в этой больнице оказались добрыми и отзывчивыми, один из хирургов тут же позвонил в Москву, рассказал, что случилось с моим сыном и выслушав ответ, сказал в трубку – хорошо я сообщу ваше решение матери.

– В общем, дело обстоит так – мы передадим им историю болезни, и они назначат время операции, это примерно будет через полгода, а может быть и месяцев через девять, но если нужна срочная операция, то это будет стоить три миллиона рублей. У вас есть три миллиона? – спросил он меня, если нет, я бы настоятельно советовал найти нужную сумму и отправить сына в Москву. Представляешь, какие огромные деньги были для меня? Для меня, продавца на рынке, получающей триста рублей в день, которых едва хватало на продукты и мелкие расходы. Вот тут-то я впервые решила разыскать тебя и потребовать оплатить операцию нашего сына. Разыскала телефон, позвонила, но мне сказали, что ты не то в Америке, не то в тюрьме и тебя в ближайший месяц или два не будет. Лева, ты представляешь моё состояние? Я была в панике и тут я вспомнила, что ещё полгода назад ко мне подбивал клинья один уже немолодой мужичек и даже предлагал выйти за него замуж. Я позвонила ему, напомнила наш последний разговор и сказала, что согласна быть его женой, но при одном условии – если он оплатит операцию моему сыну. Он тут же согласился и предложил приехать к нему домой для окончательного решения вопроса. Через три дня мы оформили наш брак, а ещё через два дня мы спецрейсом летели в Москву. Вот так я, Марина Петрова, стала мадам Бабиковой, женой богатого владельца винзавода и акционера некоей Магаданской золотодобывающей компании.

– Человек то он хороший? – не выдержал Лев Моисеевич.

– Человек, говоришь, да Алексей Алексеевич оказался очень порядочным человеком, понимал, что я его не люблю и согласен был ждать, когда я к нему привыкну и может быть даже полюблю. Представляешь, я действительно со временем полюбила его, по-своему, не так как тебя, но все же мне было с ним хорошо. Года два я не работала, все время проводила с сыном, а когда он окончательно окреп, решила завести собственное дело. Мы с Алексеем долго спорили и наконец он согласился открыть на моё имя фирму по проектированию и производству катеров и яхт класса река-море. Кстати, фирма процветает и дает хороший доход.

– Значит у тебя всё хорошо? Ты счастлива? – сдавленным голосом спросил Лев Моисеевич.

– Да, как сказать, вот увидела тебя, и все в груди перевернулось, как будто и не было этих тридцати лет – вздохнула Марина.

– Марина, а где сейчас твой муж?

– Где, где – махнула рукой Марина – три года как похоронила его, царство ему небесное.

– Значит ты вдова? Это же прекрасно, ты свободна, прекрасно, прекрасненько! – потирая руки, радостно воскликнул Лев Моисеевич

– Не понимаю, чему ты радуешься? Вдова, вдовой, но прыгать к тебе в постель я не собираюсь – сказала, как отрезала Марина.

Лев Моисеевич, что-то хотел сказать, но в это время раздался голос Леонида Ивановича Векслера.

Глава 8

– Дорогие гости, прошу извинить меня и пригласить вас к столу, все в сборе, ждем только вас и Николая, а кстати, где он?

– Я тут – открывая дверь, подал голос Николай – вздремнул вот, спасибо, что разбудили.

Николай взглянул на Льва Моисеевича, тот подозрительно посмотрел на него и отвернулся. Затем посмотрел на Марину и понял, почему прерывался и хрипел голос у шефа. Перед ним стояла очень красивая голубоглазая брюнетка, лет тридцати пяти, с великолепной сексапильной фигурой в черном платье и чернобуркой на плечах. На высокой, как у молодой девицы, груди блистало бриллиантовое кольцо, которое дополняли серьги и браслет прекрасной ювелирной работы.

– Не хило, очень даже не хило живет вдова – подумал Николай и скромно опустил глаза.

– В холле второго этажа, куда они все спустились, за огромным накрытым к обеду столом, сидели пятеро – сам Векслер Леонид Иванович, бывший главный инженер крупного механического завода, из-за аварии оказался в тюрьме, отсидел три года, там и набрался демократических лозунгов. Его жена, Валентина Ильинична, стареющая женщина внушительных размеров с обвисшей грудью и огромным животом чревоугодницы, никогда и нигде не работала, умело подыгрывая мужу, держала его в ежовых рукавицах. Их сын, Виктор Леонидович, интеллигентный, склонный к полноте, тридцатилетний мужчина, копия отца, предприниматель, делал деньги на торговле цветными металлами. Пять лет назад, примкнув к новоявленным российским коммунистам, вскоре разочаровался в их примиренчестве с существующей властью и порвав с ними, создал новую организацию, которая не отвергала силовой захват власти. Его жена Ольга, худосочная безликая особа, с нервными пальцами изящных рук пианистки, девять лет назад, окончила московскую консерваторию, но концертную деятельность сменяла на тихую спокойную и обеспеченную жизнь замужней женщины. Обособленно сидел, крепко сбитый, довольно симпатичный молодой человек, с тонкими чертами лица, ранними залысинами на коротко стриженной голове – Владимир Перов, внебрачный сын Марины и Льва Моисеевича. В своё время он увлекся идеями анархизма, которые почерпнул из сочинений патриарха российской анархии Петра Кропоткина. Три года назад создал в городе незарегистрированную в Минюсте организацию, без каких-либо четких правил и политических направлений, в составе которой была боевая группа, жаждущих решительных действий. Одним из направлений деятельности этой группы была борьба за чистоту русской нации и православия, а потому изгнание из города всех иноверцев стало для них основной задачей на данном этапе.

– Проходите, гости дорогие, выбирайте место за столом по своему вкусу, будем праздновать десятилетний юбилей нашего сына и нашей невестки, сынок открывай шампанское, будем пить и веселиться – торжественно, как на приеме в честь именитого гостя, говорил Векслер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.